

Актуальные вопросы международного частного права

Международное частное право как искусство¹

Аннотация. Международное частное право в системе права стоит особняком ввиду особого предмета и метода. В настоящее время потенциал международного частного права раскрывается по-новому в связи с появлением нового типа «пространства» — киберпространства, и многие традиционные институты и проблемы МЧП обретают возможности для новой интерпретации или решения. По своей сути МЧП является правом авангарда, в связи с чем возникла идея рассмотрения отдельных его институтов через призму искусства. И именно творчество бельгийского художника Рене Магритта оказалось, по мнению автора, наиболее созвучно многим искомым вопросам МЧП. Данная статья представляет собой исключительно авторскую попытку сопряжения правовой материи с живописью, нацеленную на иллюстрацию при помощи художественной формы правового содержания.

Ключевые слова: международное частное право, метод международного частного права, нормы негосударственного регулирования, *lex mercatoria*, коллизия права, применимое право, искусство.

**Мария Викторовна
МАЖОРИНА,**
доцент кафедры
международного частного
права
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук
mvmazhorina@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

DOI: 10.17803/2311-5998.2023.109.9.041-051

Mariya V. MAZHORINA,

Associate Professor of the Chair of Private International Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Cand. Sci. (Law)

mvmazhorina@msal.ru

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russia, 125993

Private International Law as Art

Abstract. Private international law stands apart in the legal system due to its special subject and method. Currently, the potential of private international law is being revealed in a new way due to the emergence of a new type of “space” — cyberspace, and many traditional institutions and problems of private international law are finding opportunities for a new interpretation or

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

solution. At its core, private international law is the right of the avant-garde, in connection with which the idea arose of considering its individual institutions through the prism of art. And it was the work of the Belgian artist Rene Magritte that, according to the author, turned out to be most in tune with many of the sought-after issues of private international law. This article is an exclusively author's attempt to combine legal matter with painting, aimed at illustration with the help of an artistic form of legal content.

Keywords: *private international law, the method of private international law, norms of non-state regulation, lex mercatoria, conflict of law, applicable law, art.*

При написании данной статьи за основу взято глубокое убеждение автора в том, что великие идеи никуда не исчезают, они воплощаются в разное время и в разных формах, трансформируясь сообразно гению того или иного их проводника. Речь идет о допущении рекурсивности истинно великого независимо от области его воплощения.

Международное частное право как отрасль права и как наука является своего рода «юридическим масонством», и вовсе не в силу своей герметичности или эзотеричности, но ввиду уникального предмета регулирования, методологии, оригинального категориального аппарата и целого ряда институтов, отсутствующих в большинстве отраслей права. Это объективно предопределяет достаточно высокую степень закрытости знания в области международного частного права даже для профессиональных юристов. При этом одним из парадоксов XXI в. является делокализация права, подстегнутая масштабированием киберпространства, которому имманентно присуще свойство трансграничности, автоматически открывающее «дверь в международное частное право».

Думается, что Джэку Л. Голдсмит (Jack L. Goldsmith), профессору Гарвардской школы права, удалось сформулировать один из главных парадоксов современности, решение которого возможно благодаря развитию международного частного права: «Невероятный рост повсеместного присутствия и сложности коллизионного права в этом столетии может рассматриваться как приемлемая плата для мира, который стремится к расширению транснациональной деятельности при сохранении децентрализованного правотворчества»².

Д. Голдсмит определяет актуальное значение коллизионного права, характеризуя последнее через констатацию двух крайне важных и показательных тенденций: расширение транснациональной деятельности и сохранение децентрализованного правотворчества. Первая — суть проявление глобализации, выстраивания сетевого информационного общества со все большим перемещением коммуникативных процессов в сферу киберпространства. Вторая — подстройка правовой архитектуры под новую социальную реальность не через призму концептов «глобального правительства», «глобального управления» и «глобального права», а в логике государствоцентрированного мира. Во взаимосвязи этих двух тенденций и «зашит» современный парадокс.

² Goldsmith J. L. Against Cyberanarchy // University of Chicago Law Occasional Paper. 1999. No. 40. P. 26.

С одной стороны, современные антропологи утверждают, что мы все в большей степени живем в «глобальной культурной ойкумене»³, т.е. в обитаемой части планеты, в которой все сильнее игнорируются паттерны локальной «принадлежности» и самоидентификация субъекта все в меньшей степени детерминирована пространством: «притупляются» чувство места или территориальное самоощущение, культурная и национальная идентичности, лингвистическая зависимость. Это любопытнейшим образом влияет на право, например, так: «Не исключено, что психическое бремя иностранной юрисдикции является менее значимым сегодня из-за нашего возросшего контакта с зарубежными государствами»⁴.

С другой стороны, мы живем в парадигме государствоцентрированного мира при сохранении правовой территориальности, локализованности и фрагментированности правового ландшафта. И перед лицом вторгающейся глобальной экономической системы мы можем чувствовать потребность еще крепче уцепиться за локализм⁵ и, в терминологии международного частного права, лексфоризм (от привязки *lex fori*)⁶.

По мнению американского социолога Мануэля Кастельса, мир выстраивается в логике пространства потоков, а люди пытаются продолжать жить в пространствах мест⁷. Продолжить мысль автора можно так: общество, уже живущее в логике пространства потоков, обеспечено правом, по-прежнему локализованным в логике пространства мест. Перевод подобного социального феномена на юридический язык сделан Д. Голдсмитом.

Не сводя международное частное право исключительно к праву коллизии и тем самым расширяя возможности первого, нельзя не согласиться с Д. Голдсмитом в оценке им той платы, которую несет человечество. С одной стороны, «международное частное право представляет собой право коллизий суверенитетов. Подчинение законам какого-либо государства означает признание его суверенитета»⁸. С другой стороны, предметом регулирования международного частного права выступают трансграничные частноправовые отношения, которые, собственно, и находятся сегодня в авангарде глобализационных и информационных изменений. Сетевое/цифровое общество, детерминированное киберпространством, есть в некотором смысле начало золотого века международного частного права, так как последнее обладает необходимой и уже сформировавшейся методологией, способной ответить на вызовы современности.

Смена социальной парадигмы всегда находит свое отражение в тех или иных социальных плоскостях или срезах, одним из которых выступает и право. В этом

³ See: *Hannerz U.* Notes on the Global Ecumene // *Public Culture*. 2989. Vol. 1. Is. 2. P. 66—75.

⁴ *Berman P. S.* The Globalization of Jurisdiction // *University of Pennsylvania Law Review*. 2002. Vol. 151. No. 2. P. 423—424.

⁵ See: *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford : Stanford University Press, 1990. P. 65.

⁶ See: *Petsche M. A.* International Commercial Arbitration and Transformation of Conflict of Laws // *Michigan State Journal of International Law*. 2010. Vol. 18:3. P. 454—493.

⁷ See: *Castells M.* The Rise of the Network Society. Information Age. Vol. 1. 2nd edition with a New Preface edition. Wiley-Blackwell, 2009.

⁸ *Иссад М.* Международное частное право / пер. с фр. М., 1989. С. 59.

контексте право откликается на меняющиеся паттерны созвучно тому, какие изменения наблюдаются в другой области человеческой деятельности — в искусстве.

Живопись — также ответ на изменения. В моем субъективном понимании отрасль права сопоставима с особым стилем в живописи, и международное частное право в такой логике — искусство авангарда, «искусство не для всех». Кроме того, потенциал методологии международного частного права является настолько глубоким и порой неочевидным, что при возникновении новых типов общественных отношений (например, в киберпространстве) именно он восполняет вновь образованные лакуны правового пространства. Иными словами, международное частное право совершенно многомерно, и многие «слои» его регуляторики скрыты от правоприменителя при первом приближении и открываются по мере погружения в глубины искомой материи.

Подобное впечатление в контексте смысловой нагрузки вызывают работы бельгийского художника Рене Магритта, на картинах которого очень иллюстративно можно знакомить слушателей с основными понятиями и институтами международного частного права. Его картины-головоломки, «реальные абстракции» как нельзя лучше раскрывают тайны международного частного права, в чем можно убедиться на конкретных примерах. Так, картина Магритта «Победа», написанная в 1939 г., символизирует категорию «иностранный элемент», которую можно представить в виде облака, выплывающего или врывающегося в воображаемое помещение. «Иностранный элемент» — базовое понятие международного частного права, появление которого в отношениях, собственно, и порождает коллизию права как столкновение двух или более правопорядков.

В исследовании, проведенном основателем и директором Центра транснационального права профессором Клаусом Питером Бергером, коллизия права характеризуется по-разному, но всегда презрительно, как: «закоренелое зло», «темный лабиринт», «творческий хаос», «алхимия», «мрачное болото, наполненное зыбкой трясинной и населенное просвещенными, но эксцентричными профессорами, которые теоретизируют о таинственных вопросах на странном и непонятном жаргоне»⁹. Это все обусловлено тем, что решение коллизии права — действительно непростое юридическое занятие, а методология международного частного права по-своему уникальна и не свойственна иным отраслям права.

Появление иностранного элемента в общественном отношении открывает дверь в безбрежные дали иностранного права, очертания которого скрываются за горизонтом и требуют целой юридической экспедиции для своего установления, сравнимой с освоением новых неизведанных земель. Кроме того, национальное право может быть сравнимо с твердой почвой для национального правоприменителя, в то время как морские просторы иностранного права могут не покориться исследователям, могут оказаться враждебными, и отечественные юристы могут столкнуться с риском крушения, что в некотором

⁹ Berger K. P. *The Creeping Codification of the New Lex mercatoria*. 2nd ed. Netherlands : Kluwer Law International, 2010. P. 9—31.

смысле нивелируется нормами ст. 1191 ГК РФ в части методологии установления содержания иностранного права.

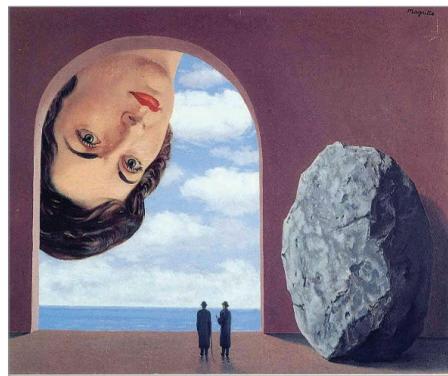
При этом сама ст. 1191 ГК РФ также может быть проиллюстрирована одной из работ Магритта, настолько точно передающей амбивалентные чувства судьи, которые могут возникать у последнего в случае необходимости применения иностранного права. Предлагается обратить внимание на картину Магритта «Портрет Стефи Лангю» 1961 г.

Небольшие фигуры в нижней части картины могут быть соотносимы с судьями, которым предстоит установить содержание иностранного права так, как это право устанавливает судья искомого государства. При применении иностранного права суд устанавливает содержание его норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве. Это непростая задача для судьи, и иностранный правопорядок, символом которого и выступает Стефи Лангю Магритта, как бы с некоторым удивлением наблюдает, каким образом иностранный правоприменитель распорядится его нормами *ex officio*. Смысловое значение на картине Магритта, толкуемой в духе теории международного частного права, имеет и прислоненный к стене справа камень: он символизирует последствия применения ст. 362, 387 ГПК РФ и ст. 270, 288 АПК РФ, предусматривающих отмену решения при неправильном применении норм материального права и их существенном нарушении, а также нарушении единства судебной практики.

Как хорошо известно всем специалистам в области международного частного права, последнее располагает двумя способами регулирования трансграничных частноправовых отношений: материально-правовым и коллизионно-правовым. Коллизионный способ является универсальным, при этом сложным и двухстадийным, предполагающим риски возникновения проблем как на стадии выбора права (скрытая коллизия, коллизия коллизий, обратная отсылка и др.), так и на стадии применения права (оговорка о публичном порядке и «сверхимперативные» нормы, интерлокальные, интерперсональные, интертемпоральные коллизии и пр.).

Все это приводит к тому, что коллизионный способ часто расценивается как эдакий «прыжок в темноту/неизвестность» (*jump in the dark*)¹⁰ со всеми его недостатками. В этом смысле коллизионная норма, в случае если она отослала правоприменителя к иностранному праву, есть указание на применение им «известного неизвестного», так как, с одной стороны, судья имеет дело с правом, той материей, которая известна ему *ex officio*, с другой стороны, иностранное право столь же, если даже не в большей степени, неизвестно ему. Именно об «известном неизвестном» и рассказывает нам со своих полотен Рене Магритт. И применение коллизионного способа регулирования может оказаться сродни блужданию по темному лабиринту Минотавра без спасительной нити Ариадны при недостатке знаний в области международного частного права.

При этом у суда возникает вопрос: как определить, что входит в понятие «право»? Определение содержания права, столь неоднозначное в современном

¹⁰ Raape L. Internationales Privatrecht. 1955. P. 90.

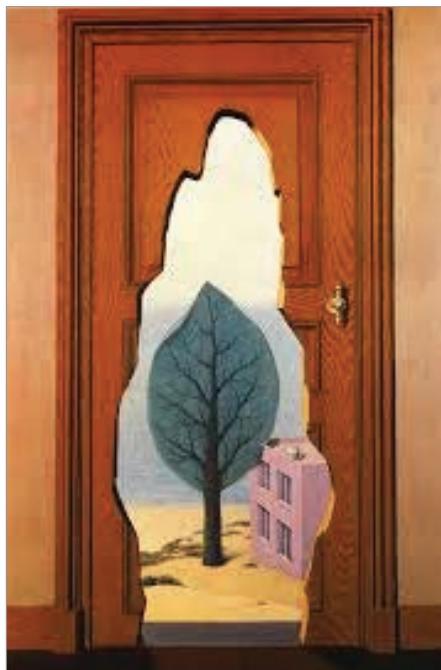
контексте, имеет сугубо прикладной характер в свете механизмов международного частного права, так как коллизионная норма, отсылая российского судью к иностранному праву, предписывает ему установить содержание норм последнего в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве (ст. 1191 ГК РФ). А потому судья должен понимать, что есть «право» в той или иной юрисдикции. В этой связи судье надлежит не только определить арсенал правовых источников, но и провести границу между «правом» и «неправом». Возникают вопросы: насколько широка дискреция суда, сколь расширительно он может толковать принцип автономии воли сторон в контексте возможностей выбора «неправа» и проч.?

Суд, применяя иностранное право, является, с одной стороны, сторонним наблюдателем применительно к иностранному правопорядку, с другой стороны, обязан применить его в духе участника. При этом коллизионный способ регулирования, даже если преодолеть все его сложности, может оказаться малоэффективным ввиду того, что «конечной остановкой», к которой он ведет, выступает тот или иной национальный правопорядок, который может быть не адаптирован к регулированию сложных трансграничных отношений, или даже «враждебным» по отношению к иностранцам, или просто непредсказуемым и не соответствующим разумным ожиданиям сторон, исповедующих иные правовые принципы своего национального права.

Это приводит, например, в практике международного коммерческого арбитража, к обращению к сравнительному правоведению, к оперированию торговыми обычаями, принципами международной торговли, арбитражными прецедентами, источниками так называемого *lex mercatoria* и прочими источниками негосударственного регулирования, которые не детерминированы национальными правопорядками. Таким образом, вопрос о содержании понятия «право» не ограничивается сегодня национальным правовым полем и смещается в международную область: он звучит уже не только и не столько в национальных судах, сколько в международных коммерческих арбитражах и трибуналах, разрешающих трансграничные споры, тем более с учетом складывающейся там парадигмы правопонимания.

Возможно, при выстраивании новой архитектуры права в новых условиях мироустройства судам отводится более значимое место, нежели законодателям, или соразмерное последним. Именно судьи и (или) арбитры толкуют право, формируя современное представление о праве, которое служит снимком объективной действительности, в то время как взгляд законодателя на право, как правило, ретроспективен. В этой связи международное частное право становится той областью, где распознавание «права» и «неправа» имеет во многом сугубо практическое значение, непосредственно влияя на исход дела. И правовой плюрализм в таком ключе превращается из мощного теоретического течения в некое уравнение со множеством неизвестных, которое предстоит разрешить судье или арбитру.

У Магритта мы находим две любопытные картины: «Неожиданный ответ» 1933 г. и «Любовная перспектива» 1935 г., передающие разницу в перспективе, которая может открыться разным юристам за дверью в иностранную правовую систему ввиду санкции со стороны коллизионной нормы.

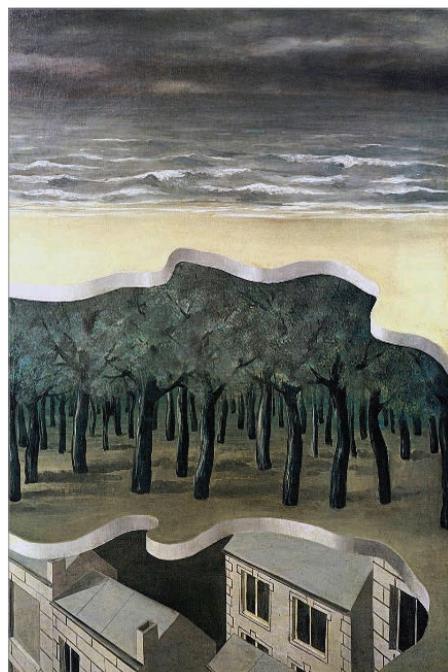

Владение методологией международного частного права освещает путь юриста в иностранном праве. Данные произведения живописи наглядно свидетельствуют о том, какую работу должны провести юристы до включения в контракт оговорки о выборе иностранного права, оценив риски выбора в качестве применимого права правопорядка, не известного им.

А созданная в 1926 г. картина «Популярная панорама» дает еще более отчетливое представление о многослойности правовой материи, скрывающей под собой самые разные источники права и открывающейся тогда, когда судья начинает выяснять содержание того, что является «правом» в том или ином государстве. Это могут быть статутные и обычные нормы, нормы-принципы, нормы права ЕС, судебные прецеденты и др.

Сколько «слоев» правовой материи откроется судье? Часто это зависит от того, насколько настойчива в установлении содержания норм соответствующего права будет сторона спора (п. 2 ст. 1191 ГК РФ). Правоприменительному органу предстоит определить содержание иностранного права, в то время как само по себе понятие «право» является неоднозначным в современном контексте, имеет прикладной характер в свете механизмов международного частного права. Судье надлежит не только определить арсенал правовых источников, но и провести границу между «правом» и «неправом».

Возникают вопросы: насколько широка дискреция суда, сколь расширительно он может толковать принцип автономии воли сторон в контексте возможностей выбора «неправа» и т.д.?

В этой связи актуальность в сфере регулирования трансграничных частноправовых отношений приобретает еще одно явление, которое может быть поименовано как «коллизия права и неправа». Активность международных межправительственных организаций, ранее направленная на разработку проектов международных договоров, переориентируется на модельное нормотворчество.

Оценивая влияние Типового закона ЮНСИТРАЛ о международном коммерческом арбитраже и Принципов УНИДРУА на национальное законодательство, Барт Волдерс (Bart Volders) обращает внимание на появление специфического законодательного метода, который становится стандартом для национальной и международной кодификации частного права. Этот модельный метод имеет две характерные особенности: в его основе лежит обширное сравнительно-правовое исследование с привлечением большого количества иностранных источников, имеющих национальное и вненациональное происхождение; в процесс разработки модельного акта вовлекается широкий круг внешних экспертов и заинтересованных сторон, не принадлежащих к государственной бюрократии, с целью укрепления легитимности инструмента гармонизации и облегчения его принятия на практике¹¹.

Даниэль де Каролис (Daniele De Carolis) высказывает крайне интересное суждение относительно того, что государства обеспечивают соответствие национальных законов международным торговым стандартам с целью добиться «сигнального эффекта», адресуемого международному бизнес-сообществу. Государства тем самым стремятся сделать свое законодательство по вопросам международной торговли узнаваемым и понятным для иностранного практикующего специалиста, с тем чтобы обеспечить привлекательность своей юрисдикции для иностранных инвесторов и для разрешения международных коммерческих споров в мировых центрах арбитража, созданных на их территории¹².

Сложности, с которыми сопряжено применение материального и коллизийного способов регулирования, а также стремительно возрастающая скорость транзакций, движения капиталов, лиц, услуг, разрастание неправовой материи — все это актуализирует проблему методологии международного частного права.

Сам базис находится в поиске адекватной надстройки. Что, собственно, происходит? Есть Венская конвенция 1980 г., совершенно беспрецедентный акт, в котором участвует более 80 государств мира. Есть иные международные договоры. Есть национальное право разных государств. И тут вдруг появляются Принципы УНИДРУА, Гаагские принципы, Акты ICC, регламенты международных коммерческих арбитражей и иные «экзотические существа», не являющиеся юридически обязательными, но претендующие на статус Общей части договорных

¹¹ See: *Volders B.* The UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts and Dutch Law. The UNIDROIT Principles 2004: Their Impact on Contractual Practice, Jurisprudence and Codification / Cashin Ritaine E. C., Lein E. (eds.). Reports of the IDSC Colloquium 8/9 June 2006. Schulthess, 2007. P. 139—142.

¹² See: *De Carolis D.* The process of harmonisation of the law of international commercial arbitration: drafting and diffusion of uniform norms : Doctoral Thesis // URL: <http://eprints-phd.biblio.unitn.it/214/1/dissertation.pdf> (дата обращения: 22.10.2017). P. 447.

обязательств¹³ или даже на расширительное толкование понятия «нормы права» для целей квалификации термина «право, избранное сторонами» к международному коммерческому контракту; осуществляется переход от «права» к «лучшим практикам» (best practices)¹⁴.

Кроме того, плюрализм современных нормативных и нормативно-институциональных систем, усиливаемый масштабированием киберпространства, обостряет проблему нормативной гибридности и управления ею. Как пишет П. Ш. Берман, многие негосударственные сообщества утверждают свою юрисдикцию и предъявляют всевозможные нормативные требования к своим членам, а право постоянно конструируется в результате соперничества этих различных сообществ, генерирующих свои нормы. Существуют гибридные правовые пространства, где более чем одним правовым или квазиправовым режимом занято одно и то же социальное поле¹⁵. Коллизионное право по своей природе фактически акцептирует гибридность, а потому его методология служит оптимальной моделью поиска ответов на новые возникающие коллизии.

В содержании нормативно-регулятивной системы трансграничных отношений, оцениваемой через призму позитивистского подхода к праву, отчетливо выделяются сегодня две составляющие: правовая и неправовая¹⁶. Правовая компонента детерминирована международным частным правом с его методологической основой и нормативным составом. Неправовая компонента является сравнительно более подвижной и существенно обогащается за счет роста количества соответствующих норм и новых форм их объективирования вовне. Как достаточно иронично в этой связи написал профессор права Калифорнийского университета Фридрих К. Юнгер (Friedrich K. Juenger), *lex mercatoria* угрожает самому существованию коллизии законов, поскольку с появлением наднациональных норм коллизионные нормы и принципы выбора права становятся ненужными¹⁷.

Lex mercatoria становится в некотором смысле формой реализации *sui generis* — метода преодоления коллизии права в том случае, когда это коррелирует с широко признанным в коллизионном праве принципом автономии воли сторон. В условиях развития цифрового общества, которому имманентно присущ трансграничный характер, проблема коллизии права и неправа еще в большей степени актуализируется. Парадигмальным явлением современного этапа развития нормативной надстройки является то, что фрагментированное

¹³ *Kronke H.* The UN Sales Convention, The UNIDROIT Contract Principles and the Way beyond // URL: <http://www.uncitral.org/pdf/english/CISG25/Kronke.pdf> (дата обращения: 21.03.2013).

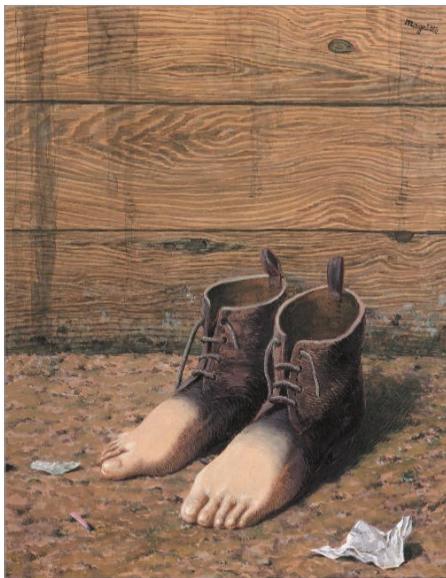
¹⁴ *Larry A. DiMatteo Daniel T. Ostas.* Comparative Efficiency in International Sales Law // *American University International Law Review.* 2011. Vol. 26. Is. 2. Art. 3. P. 421—431.

¹⁵ *Berman P. S.* Global legal pluralism: a jurisprudence of law beyond borders. Cambridge University Press, 2012. P. 15.

¹⁶ См. об этом, например: *Negotiating State and Non-State Law: The Challenge of Global and Local Legal Pluralism (ASIL Studies in International Legal Theory)* / ed. by Michael A. Helfand. Cambridge University Press, 2015.

¹⁷ *Juenger F. K.* American Conflicts Scholarship and the New Law Merchant // *Vanderbilt Journal of Transnational Law.* 1995. Vol. 28. P. 497.

правовое пространство, само по себе существенно отличающееся от государства к государству, коллидирует со стремительно масштабируемым, еще более неоднородным негосударственным массивом норм, исходящим от негосударственных акторов. Такое состояние нормативной надстройки и может быть охарактеризовано как коллизия права и неправы¹⁸.

В творчестве Р. Магритта и этому явлению находится иллюстрация в форме его картины 1935 г. «Красная модель». Национальные юристы со своего становления в профессии приучаются «носить обувь», наделенную жесткой подошвой, созданную соответствующей «фабрикой», что аллегорически можно сравнить с применением национального права (*hard law*), детерминированного государственными механизмами его создания. В сфере же регулирования трансграничных частноправовых отношений не меньшее регуляторное значение имеют «мягкое право», нормы негосударственного регулирования, *lex mercatoria* и различные его производные.

А потому специалисту в области международного частного права сто́ит помнить о том, что его ожидания от применения того или иного «жесткого права» могут быть развеяны, например, в практике международного коммерческого арбитража в связи с толкованием последним концепта «нормы права» (*rules of law*) в значении, отличном от внутригосударственного паттерна правопонимания¹⁹. Привычно одевая ботинки на жесткой подошве, можно оказаться неготовым к тому, что придется ступать босыми ногами по незнакомой почве *lex mercatoria* при разрешении того или иного трансграничного спора.

Картины Магритта — загадки, на которые нет единого правильного ответа, что очень характерно и для международного частного права, которое всегда является своего рода загадкой, обобщенно именуемой «коллизия права», решение которой предопределено массой иных загадок, не имеющих единого ответа. Магритт постоянно обнаруживает в вещах новый потенциал, предмет перетекает в предмет, за метаморфозой следует метаморфоза. То же мы наблюдаем в международном частном праве, потенциал которого неисчерпаем и раскрывается совершенно по-новому в условиях трансформации социума, в том числе в условиях масштабирования киберпространства и развития информационно-коммуникационных технологий.

¹⁸ См. об этом: *Мажорина М. В.* О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex russica*. 2019. № 7 (152). С. 93—107.

¹⁹ См. об этом: *Мажорина М. В.* Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2018. № 1. С. 193—218.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Мажорина М. В.* О коллизии права и «неправа», реновации *lex mercatoria*, смарт-контрактах и блокчейн-арбитраже // *Lex russica*. — 2019. — № 7 (152). — С. 93—107.
2. *Berger K. P.* *The Creeping Codification of the New Lex mercatoria*. — 2nd ed. — Netherlands : Kluwer Law International, 2010.
3. *Berman P. S.* *The Globalization of Jurisdiction* // *University of Pennsylvania Law Review*. — 2002. — Vol. 151. — No. 2.
4. *Berman P. S.* *Global legal pluralism: a jurisprudence of law beyond borders*. — Cambridge University Press, 2012.
5. *Goldsmith J. L.* *Against Cyberanarchy* // *University of Chicago Law Occasional Paper*. — 2999. — No. 40.
6. *De Carolis D.* *The process of harmonisation of the law of international commercial arbitration: drafting and diffusion of uniform norms : Doctoral Thesis* // URL: <http://eprints-phd.biblio.unitn.it/214/1/dissertation.pdf> (дата обращения: 22.10.2017).

